

ПЕРВЫЙ ПОЭТ РОССИИ, ЕГО СЛАВА, ЧИТАТЕЛИ И КРИТИКИ ЕГО ПОЭМ

Литературная репутация Пушкина складывалась во многом благодаря популярности его поэм. Каждая новая его поэма, ее стиль, судьбы персонажей становились предметом жарких споров и обсуждений заинтересованной публики. Важнейшие и принципиальные споры в отечественной критике — о классицизме и романтизме, о литературных заимствованиях и подражаниях, даже о коммерциализации литературы — разворачивались именно вокруг пушкинских поэм. И зачастую новая поэма Пушкина оказывалась поводом для рассмотрения насущных тогда вопросов русской литературы.

Впервые Пушкин обратился к жанру поэмы еще в Лицее: в шуточных «Монахе» и «Бове» он подражал русским и французским предшественникам — Вольтеру, Карамзину, Радищеву. Но, конечно же, история пушкинской поэмы начинается не с этих незавершенных юношеских эзерсисов.

В 1817 г. молодой поэт приступает к сказочной поэме «Руслан и Людмила», которая тут же получает восторженную оценку. Ее выход в свет в 1820 г. сделал имя Пушкина известным всей России. Пожалуй, именно «Русланом и Людмилей» открывается новая эпоха в русской литературе — пушкинская. «Его поэму раскупили и прочли с жадностью, — вспоминал позднее один из журналистов. — Этот язык, эти чудные стихи возбудили общее удивление в публике, которую до этого времени терзали тяжелые александрийские стихи тяжелой русской эпопеи. И этим новым, свежим, блистательным стихом подарил Россию двадцатилетний юноша, выступая на скользкое поприще литературы. Поэму Пушкина прочли с удовольствием, без той неотвратимой скуки, которая до этого времени была неразлучною спутницею всякой эпопеи, всякого стихотворного произведения в нескольких песнях»¹. Публика восторга-

---

¹ Библиотека для чтения. 1840. Т. 39.

лась своим кумиром, представителем «новой школы» романтиков; новизну пушкинской поэмы почувствовали все¹.

Критика была в общем-то доброжелательной — поэма многим пришлась по вкусу. Рецензенты писали: «...вообще в этой поэме есть цель нравственная, и она достигнута: злодейство наказано, добродетель торжествует»; автором совершен «приличный выбор чудесного»². Однако в прессе разгорелась полемика между «классиками» и «романтиками». С одной стороны, Пушкина обвиняли в «грубости» и «простонародности» языка, в применении «низких» выражений и проч. С другой — в заслугу ставили обогащение русской словесности новым «родом» — романтической («романической», как тогда называли) поэмой. Споры не утихали. «Чрезвычайная легкость и плавность стихов — отменная версификация, составили бы существенное достоинство сего произведения, — писал, например, один из журналистов, — если бы пиитические красоты, в нем заключающиеся, не были перемешаны с низкими сравнениями, безобразным волшебством, сладострастными картинками и такими выражениями, которые оскорбляют хороший вкус»³. Раздраженный журнальными дрызгами И. А. Крылов не удержался и разразился эпиграммой:

---

¹ Многие эпизоды поэмы представлялись современникам столь яркими, «зрелищными», что Пушкин оказался одним из первых русских писателей, чьи произведения сразу привлекли создателей балета, самого популярного тогда театрального жанра. Уже в 1821 г. на сюжет «Руслана и Людмилы» московским балетмейстером А. П. Глушковским было сочинено либретто балета, музыку к которому написал композитор Ф. Е. Шольц: премьера спектакля «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора злого волшебника» состоялась в Москве в Казенном театре 16 декабря 1821 г. в бенефис балерины Т. И. Глушковской. Балет имел успех и не сходил с московской сцены в течение нескольких сезонов. Несколько позже Огюстом и знаменитым Дидло постановка была перенесена в Петербург почти без изменений (премьера состоялась 8 декабря 1824 г.; партию Людмилы исполняла А. И. Истомина), и опять же с успехом. Кроме того, в 1824 г. по сюжету поэмы была поставлена комедия А. А. Шаховского с музыкой К. А. Кавоса «Финн».

² *Воейков А. Ф.* Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочин. Александра Пушкина // Сын Отечества. 1820. Ч. 64.

³ Замечания на поэму «Руслан и Людмила» // Невский зритель. 1820. Ч. 3. № 7.

Напрасно говорят, что критика легка:
Я критику читал «Руслана и Людмилы».
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

Внимание, оказанное литераторами «Руслану и Людмиле», было в истории литературы тех лет в общем-то беспрецедентным. Положительные ли, отрицательные отзывы, — но они поднимали Пушкина на особое место и предопределяли складывающуюся репутацию «первого русского поэта». Бурная полемика только подогрела читательский интерес.

Оценка критиками, ориентировавшимися на известные жанровые образцы, первой пушкинской поэмы¹ как романтической была обусловлена ее новизной, невозможностью приписать какой-либо традиции. И потому «Руслану» попытались найти аналоги в мировой литературе: указывали на «Орлеанскую девственницу» Вольтера, «Неистового Роланда» Ариосто, «Влюбленного Роланда» Боярдо — «рыцарские» поэмы, пронизанные волшеббно-сказочными мотивами и иронией повествователя. Воспринимая эту традицию в противоположность классической эпопее как романтическую, Пушкина «объявили» автором первой русской романтической поэмы. В действительности же к романтической форме — поэме байроновского типа — Пушкин обратился позднее в своих «южных поэмах».

«Кавказского пленника», первую из «южных поэм» в то время опального поэта, увидевшую свет в 1822 г., ждал восторженный прием публики. Пушкина уже не воспринимали как дебютанта — он был хорошо известен, он был «певцом „Руслана и Людмилы“». Жанр «байронической» поэмы, получивший признание в современной европейской литературе, к которому обратился Пушкин,

---

¹ Второй поэмой Пушкина была «крамольная» «Гавриилиада» (1821). Распалившееся перо молодого опального поэта на этот раз избрало темой новозаветный сюжет, который разрабатывался в шутивно-эротическом ключе. Поэма распространялась в списках. Позднее правительство привлечет Пушкина к дознанию по делу о «Гавриилиаде», и он переживет немало тревожных минут (подробнее см.: *Пушкин А. С.* «Час невинного досуга». СПб., 2004).

оправдал, как ни парадоксально, и ожидания критиков. В поэме «Пушкин дал формулу современного человека, формулу слияния свободолюбия с разочарованием, с трагизмом...»¹. Сам поэт характеризовал своего героя: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (XIII, 52)². Можно сказать, что Пушкин, возможно интуитивно, подсознательно, «поставил» русской литературе именно то, чего она ожидала. Кавказская экзотика, разочарованный герой, прелестная черкешенка, жертвующая собой ради любви... «Кавказский пленник» оказался идеальным конъюнктурным (в хорошем смысле этого слова) произведением³. Даже в 1839 г. журналисты отмечали, что «Кавказский пленник» «пользовался

---

¹ Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997. С. 129.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1949. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте в скобках с указанием номера тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими цифрами).

³ Критикам в первую очередь не нравилась «холодность Пленника к благодеяниям Черкешенки»; к тому же «происшествие можно бы сделать и разнообразнее, и даже полнее. <...> Ход страсти, которая бывает изобретательна и неутомима, здесь короток. Еще более остается неполным рассказ о Пленнике» (Плетнев П. А. Кавказский пленник, повесть, соч. А. Пушкина // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 19. № 7). — «Недостатки» поэмы были с лихвой «исправлены» в очередном балете Дидло: премьера состоялась в Большом театре в Петербурге 15 января 1823 г. (партию Черкешенки исполняла А. И. Истомина; спектакль с успехом шел 13 сезонов). В спектакле были расставлены все точки над «і»: действие для пущей торжественности было перенесено в «славянские времена», страсти доведены до предела, офицер-пленник превратился в молодого князя Ростислава, историческая достоверность подчинена театральной условности; введение нового персонажа — невесты пленника — было принято публикой с восторгом. «Никогда еще поэт не перелагал поэта в новые формы так полно, близко, так красноречиво, как это сделал Дидло, переложив чудные стихи народного поэта в поэтическую, немую прозу пантомимы. Местность, нравы, дикость и воинственность народа — все схвачено в этом балете. <...> Балет сделан в руках Дидло великолепной иллюстрацией поэмы» (Глушковский А. П. Воспоминания балетмейстера. М.; Л., 1940. С. 170).

и пользуется необыкновенною славою у читающей публики»¹. По замечанию современной нам исследовательницы, «в практически всеобщем удовлетворении критиков тем, что Пушкин обогащает русскую словесность, и притом оказывается на уровне признанных европейских авторитетов, сказывается пафос быстро развивающейся молодой литературы, стремящейся усвоить все достижения своих более опытных соседей»².

Пушкин теперь — «русский Байрон», и это признается и «классиками», и «романтиками»: «Пушкин, одарен будучи истинным и оригинальным талантом, идет наравне с другими превосходными поэтами нашего времени»³. Именно «Кавказский пленник» принес Пушкину *славу первого поэта*. Вскоре выходит в свет вторая «южная поэма» — «Бахчисарайский фонтан» (1824), которая подтверждает завоеванное признание читающей публики. «Пушкина, по справедливости, можно назвать первым русским поэтом нашего времени»⁴, — восклицал В. Н. Олин. «Не имеем нужды в похвале сему новому цветку роскошной музыки нашего юного Саади»⁵, — вторил ему П. И. Шаликов. «Поэт, любимец нашей публики, А. С. Пушкин, о котором в сравнении с Жуковским можно повторить старинную пословицу: он не второй, а другой, получил новое право на славу...»⁶ — отзывался Н. А. Полевой. «Пушкин вышел в первый раз на сцену при всеобщем рукоплескании: „Руслан и Людмила“, потом „Кавказский пленник“ и „Бахчисарайский фонтан“ произвели на публику такое глубокое впечатление, что оно не могло уже изгладиться. Критика возвысила было свой голос, но публика не хотела слушать ее; не хотела верить даже тому, чему для пользы искусства, для самой славы поэта должна была

---

¹ Галатея. 1839. Ч. 3. № 21.

² *Потапова Г. Е.* «В буре споров, в вихре критик...» // Пушкин в прижизненной критике: 1820—1827. СПб., 1996. С. 9.

³ *Плетнев П. А.* «Кавказский пленник». Повесть. Соч. А. Пушкина // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 20. № 10.

⁴ *Олин В. Н.* Критический взгляд на «Бахчисарайский фонтан», соч. А. Пушкина // Литературные листки. 1824. Ч. 2. № 7.

⁵ Дамский журнал. 1824. Ч. 5. № 6.

⁶ Московский телеграф. 1824. Ч. 1. № 1.

поверить»¹ — так позднее оценивали ситуацию этих лет в журнале «Галатея».

Разгоревшаяся тут же с новой силой полемика между «классиками» и «романтиками», собственно, почти не касалась поэмы и была спровоцирована острополемичным предисловием издателя Вяземского «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова». В нем, между прочим, от лица «Издателя» говорилось: «Пускай обвинители мои примут на себя труд перечитать все, что в некоторых из журналов наших было сказано и пересказано на счет романтических опытов и вообще на счет нового поколения поэзии нашей: если из всего этого выключить грубые личности и пошлые насмешки, то, без сомнения, каждый легко уверится, что мой собеседник («Классик». — С.Д.) под пару своим журнальным клеветам»².

Любопытно, что помимо литературных споров поэма вызвала и рассуждения о коммерческом успехе. Дело в том, что гонорар, полученный Пушкиным за поэму (3000 руб.), много превышал обычный авторский заработок того времени. «За каждый стих заплачено по пяти рублей!»³ — восклицал «Русский инвалид» еще до поступления поэмы в продажу. Книжка, несмотря на дороговизну, хорошо раскупалась: «„Бахчисарайский фонтан“, поэма А. Пушкина, привлекает в книжные лавки множество покупателей. Этот фонтан оживит басню о золотом дожде Юпитера...»⁴. Пушкин, таким образом, стал одним из первых русских литераторов-профессионалов, сделав литературный труд, как сейчас бы сказали, своим «бизнесом». Его известный афоризм «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» в те времена, в той атмосфере литературного быта, была в общем-то инновацией, но к этому времени он уже был самым дорогим поэтом.

Пушкина знали все. Издавались и ноты песен из «южных поэм» — их пели и в блестящих столичных салонах,

---

¹ Галатея. 1839. Ч. 3. № 19.

² <Вяземский П. А.> Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова: Вместо предисловия // Пушкин А. Бахчисарайский фонтан. М., 1824. С. XX.

³ Русский инвалид. 1824. № 59.

⁴ Литературные листки. 1824. Ч. 1. № 6.

и в провинциальных гостиных. «Нельзя не порадоваться быстрому разливу славы нашего любимого поэта А. С. Пушкина. Его творения и читаются, и поются, и представляются на сцене¹ наших театров», — констатировал позднее «Дамский журнал»². В середине 1820-х гг. образ Пушкина, венчанного славой, претерпевает трансформацию, обретает черты литературной «маститости», предначертанные ему общественным мнением. Поэта готовы едва ли не облачить в положенную ему античную тогу — ту самую, что окажется позднее на опекушинском памятнике в Москве.

«Автор „Руслана и Людмилы“, „Кавказского пленника“ и „Бахчисарайского фонтана“, — именно так теперь представляли читателям каждое любое произведение Пушкина, — в каждом своем новом произведении пленяет читателей новыми красотоми поэзии»³. В следующие годы Пушкин подтверждает свою литературную репутацию — выпускает отдельными книжками первые главы «Евгения Онегина» и собрание «Стихотворений». «Талант автора всем известен, всеми оценен по достоинству, — писал П. И. Шаликов, — и между тем как мы пишем статью о новом произведении любимца муз, оно уже в руках каждого образованного читателя, каждого светского человека и на письменном столике каждого литератора...»⁴.

И вот в 1827 г. Пушкин издает еще одну «южную поэму», «Цыганы». Критики признают за поэтом «более зрелости, более силы, свободы, развязности и, к утешению нашему, видим еще залог новых сил, сочной зрелости и полнейшего развития свободы»⁵. Считается, что «Цыга-

---

¹ По сюжету «Бахчисарайского фонтана» А. А. Шаховской пишет пьесе «Керим-Гирей, крымский хан» (преьера состоялась 28 сентября 1825 г.). По свидетельству П. Н. Арапова, «Представление „Керим-Гирей“ было театральным событием: первые ряды кресел были заняты гвардии офицерами; в ложах помещались семейства высшего петербургского общества, посещающего русский театр только в известных случаях» (*Арапов П. Н. Летопись русского театра*. СПб., 1861. С. 373).

² Дамский журнал. 1827. № 20.

³ Соревнователь просвещения и благотворения. 1825. Ч. 29, № 2.

⁴ Шаликов П. И. «Евгений Онегин». Роман в стихах. Сочинение А. С. Пушкина // Дамский журнал. 1825. Ч. 9. № 6.

⁵ *Вяземский П. А.* «Цыганы». Поэма Пушкина // Московский телеграф. 1827. Ч. 15. № 10. Отд. 1.

ны» — поэма переломного пушкинского периода, когда поэт от романтизма приходит к реалистическому воспроизведению действительности. Позднее станет иным и характер изображаемых объектов, экзотику заменит конкретная эмпирическая жизнь, в поэзию на равных правах с испытанными символами высокого и прекрасного вступает стихотворный прозаизм. Любопытно, что, анализируя этот период творчества Пушкина, позднее, после смерти поэта, один из журналистов отметит следующий нюанс (с которым, впрочем, мы можем и не согласиться): «Пушкин, само собою разумеется, сознавал в себе высокий дар, чувствовал свое призвание, но он как будто боялся, что его не поймут, не оценят, что он оставит на земле недоплетенным свой поэтический венок, что слава его не упрочится, не увековечится, и эту напрасную боязнь высказывал, где только мог...»¹.

К южному периоду относятся и несколько нереализованных замыслов. Только в планах остались «<Поэма о гетеристах>» (об Александре Ипсиланти), «Актеон» на мифологический сюжет, «<Мстислав>» по мотивам былинного эпоса. «Отрывок» из поэмы «Братья-разбойники», вышедший в 1827 г., был признан критиками «очаровательными стихами», но не более. «Такие предметы, как „Братья-разбойники“ Пушкина, не стоят не только прекрасных, но даже и никаких стихов, — замечал критик „Галатеи“, — это значит бесполезно тратить сокровище дарований, которые ниспосылаются нам свыше для лучшего употребления, для возвеличения, для прославления добродетели и ее источника — Бога»². И далее: «В самом деле, что вы найдете поэтического в земледельце, который, соскучившись добывать насущный хлеб трудами, пустился с братом на промысел, более легкий и выгодный, на разбой. В целом рассказе встречается вам одно только место, которым искупается несколько содержание...» Рецензент «Библиотеки для чтения», например, отмечал, что «Братья-разбойники» носят на себе отпечаток того национального направления, которое составляет характер Пушкина. В этой чудной картине дикая русская удаль схвачена мет-

---

¹ Галатея. 1839. Ч. 3. № 24.

² Там же.

кими чертами. Это беззаботное молодчество вырвано из жизни. <...> Как хорошо живописное вступление к этой дикой картине! Как мастерски и сжато выставил поэт в немногих словах целый ряд людей, соединенных между собою страшными узами греха! В двух-трех словах определен характер этих людей, обозначена их дикая физиономия»¹. По каким-то причинам Пушкин не стал разрабатывать сюжет «Братьев-разбойников». То же самое случилось и с другим замыслом этого времени — поэмой «Вадим»: фрагмент первой песни неоконченной поэмы о Вадиме Новгородском был напечатан в «Московском вестнике»².

«Южные поэмы Пушкина, — пишет С. А. Фомичев, — критического отпора почти не вызывали: они не посягали на классицистические жанры, принадлежа уже к иной — романтической — жанровой системе. Но основные споры по проблемам романтизма в русской критике развернулись именно в связи с южными поэмами — и с этих пор под прямым пушкинским влиянием в русской литературе надолго утверждается в качестве ведущего жанр романтической поэмы»³. Пушкинские поэмы надолго предопределили тип романтической поэмы в русской литературе.

В конце 1829 — начале 1830 г. Пушкин начинает новую поэму — «Тазит»; отрывки из нее так и остались в черновиках и опубликованы уже после смерти поэта, в 1837 г. По стилистике и проблематике «Тазит» можно отнести к «южным поэмам», но в ней поэт стремится приблизиться к формам народного творчества. О содержании поэмы дает некоторое представление один из планов. Главный герой, юный горец Тазит, отвергнутый своими близкими, после встречи с миссионером становится христианином и гибнет в сражении между адехами и русскими. Была задумана еще одна поэма на кавказский сюжет — «Русская девушка и черкес», о любви казачки и молодого черкеса. Пушкин набрасывает план и несколько стихотворных строк — и оставляет замысел, видимо потеряв интерес к кавказской проблематике.

---

¹ Библиотека для чтения. 1840. Т. 39.

² Московский вестник. 1827. Ч. 5. № 17.

³ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 286.

Итак, вершина прижизненной славы Пушкина приходится на вторую половину 1820-х гг., когда публикуются и переиздаются «южные поэмы», продолжают выходить главы «Евгения Онегина»¹. И тут-то, в апогее славы (казалось бы, неожиданно!), и начинается расхождение литературно-эстетической позиции Пушкина с ожиданиями критиков. Пушкин больше не пишет «романтических» поэм. «В своем творчестве Пушкин уходил стремительно вперед, а в литературном сознании того времени он оставался романтиком»². И в конце 1820-х гг. к репутации «первого поэта» начинают относиться настороженно.

Все ждут нового «Пленника», нового «Бахчисарайского фонтана», новых романтических характеров и проч. — и вдруг получают... «Графа Нулина»! Поэма читателям, конечно же, нравится, но критики в некотором недоумении: вещь, конечно, блестящая, но ведь «безделка», недостойная «первого поэта»... «Истинно завидна участь „Графа Нулина“! — восклицал Н. И. Надеждин в обширной рецензии на „две повести“ — „Бал“ Е. А. Баратынского и „Граф Нулин“, изданные под одной обложкой в 1828 г. — За проглоченную им пощечину его сиятельство купил счастье быть воспетым в прелестных стихах, которыми не погнушались бы знаменитейшие герои. <...> Это (обе повести. — С. Д.) суть прыщики на лице вдовствующей нашей литературы!»³ Сам Пушкин, впрочем, отметил: «В свете приняли его („Графа Нулина“. — С. Д.) благосклонно — и никто из журналистов не захотел за него заступиться» (XI, 155). Критики же, несмотря на наметив-

---

¹ В 1826 г. Ф. Булгарин так отзывался об успехе «Евгения Онегина»: «Читали ли вы „Онегина“? Каков вам кажется „Онегин“? Что вы скажете об „Онегине“? Вот вопросы, повторяемые беспрестанно в кругу литераторов и русских читателей» (*Булгарин Ф. В.* «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава вторая // Северная пчела. 1826. № 132). «Ни одно сочинение Пушкина не возбудило такого общего внимания, не нашло такой огромной публики, как „Евгений Онегин“» (Библиотека для чтения. 1840. Т. 39). Между тем Рылеев и Ал. Бестужев оценивали «Кавказского пленника» выше «Евгения Онегина».

² *Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина... С. 289.

³ <Надеждин Н. И.> Две повести в стихах: «Бал» и «Граф Нулин» // Вестник Европы. 1829. Ч. 163. № 2.

шуюся «прохладу» в отношении к Пушкину, были более-менее благожелательны. «Это не повесть, а картина нравов. <...> Быстрота в слоге, блеск в изображениях переменяющихся на сцене лиц и картин, веселость, легкость рассказа, плавность и сладкозвучие стихов поставляют сию пиесу в число первоклассных произведений поэзии» — такой восторженный отзыв дал Ф. В. Булгарин¹.

Вскоре отдельным изданием появляется «Полтава» (1829). «Полтава не имела успеха, — писал Пушкин, самолюбие которого было уязвлено холодностью критиков. — Может быть, она его и не стоила, но я был избалован приемом первых, слабейших моих произведений. Журналы взялись объяснить мне причину тому» (XI, 164). «...Откровенно скажем: это, если не самое слабое, по крайней мере, одно из слабых его эпических произведений по созданию, характерам и самому изложению», — писала позднее «Галатей»². А «Библиотека для чтения», напротив, отмечала, что «с „Полтавы“ начинается лучший период в поэтической деятельности Пушкина. Здесь он является полным национальным поэтом, зрелым художником, самостоятельным творцом и великим представителем русской поэзии. <...> „Полтава“ так богата поэтическими красотами, так проникнута русским духом, что она, по справедливости, занимает одно из первых мест между лучшими памятниками нашей литературы»³. Надо сказать, что, в целом не признавая «Полтаву», журналисты между тем еще сохраняли к самому Пушкину прежний пиетет. Общая тенденция была такова: «Полтава» плоха, но Пушкин все равно наш гений. «Никто из русских поэтов не расточителен так на произведения творческой фантазии, как А. С. Пушкин; у него почти к каждому годовому празднику готова обнова прихотливой музыки. Благодарим от лица публики эту прихотницу, не дающую отдыха своему любовнику, беспрестанно требующую от него нарядов и обвораживающую нас красотами разнообразия»⁴, — вос-

---

¹ *Булгарин Ф. В.* Рассмотрение русских альманахов на 1828 год // Северная пчела. 1828. № 4.

² *Галатей.* 1839. Ч. 3. № 25.

³ *Библиотека для чтения.* 1840. Т. 39.

⁴ «Полтава», поэма Александра Пушкина // *Галатей.* 1829. Ч. 3. № 16.

кликала «Галатея». Даже журнальный противник Пушкина, Ф. В. Булгарин, признавал: «Кто таков Пушкин в нашей словесности? На этот вопрос, может быть, не надлежало бы отвечать при жизни сочинителя, но как в журналах русских беспрестанно говорят о сем поэте, иногда с величайшим энтузиазмом и выспренными похвалами, иногда с неуважением, даже оскорбительным, то я почитаю себя также вправе беспристрастно высказать свое мнение. Сомневаюсь, чтобы между явными противниками Пушкина были такие, которые бы не сознались, что он гений»¹.

Публика была разочарована «Полтавой»², последними главами «Онегина» (изд. в 1830, 1832 гг.), «Борисом Годуновым» (изд. в 1831 г.). На рубеже 1820–1830-х гг. Пушкин, по мнению критиков, не делает никаких открытий, ничем не подтверждает свою литературную славу. Публика жила прошлым Пушкиным, а настоящий Пушкин публикует теперь «Домик в Коломне»!

Между тем в середине 1832 г. Пушкин приступает к новому замыслу, к новому «свободному роману» («Езерский»), героем которого должен стать на этот раз мелкий чиновник, который, правда, принадлежит к старинному боярскому роду. Но на родословной своего героя Пушкин оставляет замысел «романа в стихах». Мелкий петербургский чиновник Езерский превратится вскоре в Евгения, героя «петербургской повести» «Медный всадник» (1833) — одного из самых глубоких и совершенных произведений Пушкина. «Предельно точное в бытовых деталях и с точки зрения психологического анализа повествование о горестной судьбе столичного обывателя, — отмечает С. А. Фомичев. — Однако реальность в поэме постоянно сохраняет тенденцию к символическому ее

---

¹ Булгарин Ф. В. Разбор поэмы «Полтава», соч. Александра Сергеевича Пушкина // Сын Отечества и Северный архив. 1829. Т. 3. № 15.

² «Новая поэма Пушкина не произвела на публику такого сильного впечатления, какое производили прежние, и многим даже не имела счастья понравиться. Это естественно. Красоты ее слишком новы для русских читателей, еще не готовых понимать оные» (Полевой К. А. Полтава, поэма Александра Пушкина // Московский телеграф. 1829. Ч. 27. № 10).

истолкованию»¹. Но при жизни поэта читатель не увидит этого произведения: «высочайший цензор» Николай I потребовал некоторых изменений, на которые Пушкин не согласился пойти. Читатель в это время познакомится с другой поэмой — «Домиком в Коломне».

Поэму «Домик в Коломне», напечатанную в 1833 г. в альманахе А. Ф. Смирдина «Новоселье», воспринимают, опять же, как литературную шутку, «довольно забавный, очень игриво рассказанный анекдот»², которому критики в общем-то не придали значения. В немногочисленных рецензиях вновь отмечали незначительность этого произведения для пера такого поэта, как Пушкин. «И в этой шуточной попытке, в этой пробе *пера и чернил* сколько остроумия, сколько удачных выражений, сколько метких выстрелов! — отзывался рецензент „Северной пчелы“. — Но я не хочу хвалить Пушкина. Я сердит на него, как сердились во время оно на Наполеона не за то, что он сделал, но за то, чего он не сделал»³. С более обширной рецензией выступил Н. И. Надеждин. Критик недоумевал, «каким образом нашему опытному, счастливому поэту могла прийти на ум работа столь непоэтическая», и находил ее не отличающейся «ни затейливостью изобретения, ни даже удачным изложением, которое прикрывает собой внутреннюю пустоту содержания». Вердикт был вынесен следующий: «Домик в Коломне» «несравненно ниже „Нулина“: это отрицательное число с минусом!.. Кончим и пожалеем, что этот рыхлый „Домик“ <...> не в добрый час выселился из *Коломны* на *Новоселье*...»⁴. Позднее, в 1836 г., В. Г. Белинский назовет поэму «шуточной и остроумной безделкой»⁵. Брат поэта, Л. С. Пушкин, вспоминал: «Впоследствии он должен был привыкнуть ко вкусу критиков и публики. „Бо-

---

¹ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина... С. 198.

² Полевой Н. А. Новоселье // Московский телеграф. 1833. Ч. 50. № 5.

³ Яков У-кин. Письмо к издателю «Новоселья» // Северная пчела. 1833. № 77.

⁴ Надеждин Н. И. «Новоселье» // Телескоп. 1833. Ч. 14. № 5.

⁵ Белинский В. Г. О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1953. С. 147.

рис Годунов“, „Полтава“, все русские сказки были приветствуемы то бранью, то насмешками. Когда появилась его шутка „Домик в Коломне“, то публика увидела в ней такой полный упадок его таланта, что никто из снисходительного приличия не упоминал при нем об этом сочинении¹. Да и сам поэт признавался: «Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имею главной привлекательности молодости и новизны литературного имени» (XI, 154).

Отношение публики и критики к поэту в это время наиболее показательно выражено, наверное, в словах Белинского: «Осень, осень, холодная дождливая осень после прекрасной, роскошной, благоуханной весны»². 1834 г. он же заявит: «Замерли звуки его гармонической лиры. Теперь мы не узнаем Пушкина: он умер, или, может быть, только обмер на время»³.

Публикация «Анджело» (1834) не изменила зыбкости пушкинской литературной репутации тех лет⁴. Единственный, кто дал достаточно высокую оценку, был Н. И. Надеждин, считавший ее пьесой «полной искусства, доведенного до естественности, ума, скрытого в простоте разительной, и, сверх того, неотъемлемо отличающейся истинным признаком зрелости поэта — тем спокойствием, которое мы постигаем в творениях первоклассных писателей»⁵. В то же время критик высказался по поводу неактуальности попытки возродить художественную форму итальянской новеллистики эпохи Возрождения: «Возможно ли подобное воссоздание какого-либо рода стихотворений во всякое время по воле самого сильного дарования?

---

¹ Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 65.

² Белинский В. Г. Литературная хроника // Молва. 1835. № 7.

³ Белинский В. Г. Литературные мечтанья // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1953. С. 73.

⁴ «Не считаем нужным разбирать „Графа Нулина“, „Анджело“ и „Домик в Коломне“; две первые из этих пьес не выдерживают строгой критики, последняя не более как забавный анекдот, удачно вставленный в русские, по подражанию итальянским, октавы — и, кажется, для них только написанный» — так, уже после смерти Пушкина, оценивались эти произведения (Галатея. 1839. Ч. 3. № 25).

⁵ Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. С. 384.

<...> Вправе ли писатель винить публику, если она не разделяет его стремления к минувшему, а в силу вечно неизменяемого влечения к будущему остается равнодушною, непризнательною к его тягостному борению с веком, усилию, часто обнаруживающему тем разительнее всю великость его дарований?»¹ Собственно, выступление Надеждина остается едва ли не единственной высокой оценкой «Анджело». Так, рецензент «Молвы», скрывающийся под именем «жителя Сивцева вражка», писал, что поэма «есть самое плохое произведение Пушкина: если бы не было под ним его имени, я бы не поверил, чтоб это стихотворение принадлежало к последнему двадцатипятилетию нашей словесности, и счел бы его старинкою, вытасценною из отысканного вновь портфейля какого-нибудь из второстепенных образцовых писателей прошлого века»². Еще более резко отозвался Белинский в статье «Литературные мечтанья» (1834), причислив «Анджело» к другим «мертвым, безжизненным сказкам»³ Пушкина, свидетельствующим о «горькой, невозвратной потере»⁴ поэта для литературы.

В 1835 г. поэт издает двухтомник «Поэмы и повести Александра Пушкина» (как уже говорилось, поэма «Медный всадник» не была пропущена «высочайшей цензурой»). Все произведения, сюда вошедшие, были ранее напечатаны отдельными книгами или входили в состав альманахов. «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Граф Нулин» издавались дважды, «Бахчисарайский фонтан» — трижды. Все отдельные издания поэм в 1835 г. имелись в продаже. Зачем понадобилось Пушкину выпускать этот двухтомник? Ответ, казалось бы, напрашивается сам собою — из коммерческих соображений. По предположению Н. П. Смирнова-Сокольского, за право издания двухтомника Смирдин уплатил Пушкину 12 000 рублей⁵, —

¹ Там же. С. 383—384.

² *Житель Сивцева вражка*. Письмо к издателю // Молва. 1834. № 24.

³ *Белинский В. Г.* Литературные мечтанья. С. 21.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ *Смирнов-Сокольский Н.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 375.

а материальные дела поэта в эти годы оставляли желать лучшего. Выигрывал и читатель: за двадцать рублей он мог приобрести произведения, отдельные издания которых ему обошлись бы в два раза дороже. Этот момент был сразу отмечен прессой: «Издание этих „Поэм и повестей“ было необходимо; почитатели поэта уже его ожидали, потому что не в состоянии были приобрести поодиночке эти *dissecta membra* (разбросанные части (*лат.*) — *С.Д.*) его фантазии. А. Ф. Смирдин удовлетворил их ожидания, издав собрание поэм А. С. Пушкина, которое, как и все издания, отличается красотой и вместе умеренностью цены. Хотя, конечно, нельзя назвать дешевым издание двух томов посредственной величины, продающихся по двадцати рублей, но в сравнении с прежней непомерной ценою брошюр, его составляющих, эта цена очень умеренна»¹. «Изданию „Поэм и повестей“ А. С. Пушкина мы предсказываем большой успех, — вторила „Библиотека для чтения“. — Оно отличается особенною изящностью и весьма умеренною ценою. Творения знаменитого нашего поэта, до сих пор рассеянные по брошюрам, были нестерпимо дороги для собирателей. Теперь они представляются в целом и доступны всякому»². Смирдин не ошибся в расчетах: двухтомник прекрасно раскупался. А торговый спрос является одним из подтверждений интереса публики к Пушкину и, следовательно, подтверждением репутации «первого поэта», что бы там ни говорили критики.

Но только ли коммерческие расчеты руководили Пушкиным? Попытаемся проанализировать ситуацию и не воспринимать ее односторонне. Конечно, «я богат через торговлю мою стихистую», говорил поэт, однако дело было не только в решении денежного вопроса. Создается впечатление, что Пушкин подводит итог — нет, не своей жизни, но своего *предыдущего* творчества (он издает полностью «Онегина» (1833), заканчивает собрание «Стихотворений Пушкина» (четвертая часть выходит в 1835 г.)). Пушкин находится в расцвете своего творчества, он полон творческих планов, начинает издавать «Современник»,

---

¹ Северная пчела. 1835. № 134.

² Библиотека для чтения. 1835. Т. 10. Отд. 4.

пишет прозу и собирается издавать сборник «Романы и повести Александра Пушкина» (цензурное разрешение было выдано 8 января 1837 г.).

Но смерть настигает поэта. Для нас, читателей ХХI в., — в зените его творческой зрелости. Для его современников — в закате его славы. Видимо, причина творческого одиночества Пушкина в 1830-е гг. в отсутствии исторической дистанции, разделяющей поэта и современных ему читателей. «Пушкин всегда будет великим русским поэтом, — писала „Библиотека для чтения“. — Настоящая беда — та, что он был великий поэт. Эти великие поэты — самые несчастные люди на свете: починив перо, они не могут написать ни одной строчки, ни одной буквы на лоскутке бумаги для „пробы пера“, чтобы после их смерти этой строчки, этой буквы не напечатали в собрании их сочинений»¹.

Уже в 1842 г. Н. А. Полевой, у которого с Пушкиным складывались весьма сложные отношения, написал поистине пророческие слова: «Тень поэта не упрекнет невнимательностью и неблагодарностью современников — нет! Пушкин принадлежал к числу прочих поэтов, которых при жизни их понял и оценил век их. С каким нетерпением ждали мы всегда его поэтической речи, какой восторг всегда производила она! Не доказательство ли, что ни в какое время нет безвременья великому истинному дарованию? Оно всегда вовремя, небесный гость с знамением гения на челе. Но если люди спорят еще на удивление, за восторг свой, пока такой посетитель земли теснится еще в толпе их; спор мгновенно умолкает, когда, отделясь от нея, он устремляется незримым орлом по поднебесью. Смерть таких людей бывает первым шагом к их бессмертию, и едва могила примет их бранные останки, едва земля возьмет земное, начинается апофеоз бессмертия, не умирающего с ними»².

В наших беглых заметках о литературной репутации Пушкина мы коснулись только поэм. Конечно, это всего лишь одна из граней творчества Пушкина, но она

---

¹ Библиотека для чтения. 1841. Т. 49.

² Русский вестник. 1842. Т. 5.

оказывала огромное влияние на литературный процесс того времени.

Феномен славы Пушкина уникален в истории культуры России. Не найдется, пожалуй, ни одного русского поэта, который с первой своей поэмы не только стал известен всей читающей публике, но и поднялся на недостижимые поэтические вершины, — недостижимые до сих пор, в течение двух столетий.

Сергей Денисенко

Руслан и Людмила

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои.*

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках

Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русской дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гряднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана

СОДЕРЖАНИЕ

Первый поэт России, его слава, читатели и критики его поэм. <i>С.Денисенко</i>	5

ПОЭМЫ

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА	23
КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК. Повесть	111
БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН	141
I. Выписка из путешествия по Тавриде И. М. Муравьева-Апостола	161
II. Отрывок из письма	165
БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ	167
ЦЫГАНЫ	177
ГРАФ НУЛИН	201
ПОЛТАВА	215
ДОМИК В КОЛОМНЕ	269
АНДЖЕЛО	285
МЕДНЫЙ ВСАДНИК. Петербургская повесть	311
Примечания. <i>С.Денисенко</i>	329